

В.В. РОЗАНОВ: СЛОВО ОБ АНДРЕЕВЕ

Историческое исследование во многом похоже на расследование, в частности в том, что в обоих случаях очень важными становятся свидетельства современников. Современники — «глаза и уши» ученого, пытающегося как можно полнее представить картины прошлого. Так, например, мы «видим» Андреева-танцора глазами многих людей — от посетителей светских салонов до великого балетмейстера Михаила Фокина, «присутствуем» на концертах Андреева — виртуоза и дирижера, знакомясь с «показаниями» многочисленных рецензентов, публики, музыкантов Великоорусского оркестра, руководителей провинциальных оркестров, приезжавших к Андрееву за помощью и присутствовавших на его репетициях и т.п. Чем шире охват источников подобного рода, тем «стереоскопичнее» и «стереофоничнее» наше восприятие событий того далекого времени.

Что касается прессы, то она «назойливо» информативна: в большинстве статей просто сообщается, что там-то, тогда-то состоялся концерт, исполнялось то-то и то-то, назывались солисты, отмечалась степень успеха («провалов» у Андреева практически не было), и обычно этим все и заканчивалось.

На таком фоне очень выгодно выделялись как по содержанию, так и по форме (трудно сказать — чем больше) статьи Василия Васильевича Розанова (1856—1919) — выдающегося публициста, критика, философа, одного из оригинальнейших мыслителей за всю историю России, что, естественно, гарантировало полное забвение его наследия в течение всего советского периода¹.

В отличие от репортеров Розанов как бы отвлекается от конкретных концертных выступлений, предпочитая размышления об Андрееве и о значимости его дела для России. Его постоянно поражают два момента: 1) возникновение самой идеи окультуривания инструментария и возвращения его в народ, 2) способность Андреева воплощать эту идею в жизнь.

Впервые Розанов увидел и услышал Андреева на одном из выступлений в частном доме в начале 90-х годов, но знакомство их состоялось, по всей вероятности, не ранее 1913 года. 22 января этого года Розанов публикует свою первую статью, затем 2 апреля он поздравляет Андреева с 25-летним юбилеем Великоорусского оркестра от имени редакции и сотрудников газеты «Новое время» (в штате которой состоял Розанов), а 19 апреля публикует вторую статью — в защиту Андреева от нападок М.М. Иванова. Этим же годом датируются первые письма Андреева к Розанову. Позднее они часто встречаются в редакции журнала «Вешние воды», для которого оба пишут свои статьи.

На каком-то из этих этапов знакомство переходит в дружбу. Сохранились воспоминания старшей дочери Розанова — Татьяны Васильевны (1895—1975), которая относит появление у них в доме Андреева приблизительно к 1915 году: «Андреев привозил билеты на свои концерты, был очень мил и любезен. Раз мы ездили — я, отец и старшая сестра² к нему в гости на Васильевский остров. Он жил со своей старушкой-матерью³, показывал нам большую коллекцию балалаек и мандолин (речь идет, конечно, о домрах. — Б.Т.), которые он собирал(...) Вообще концерты его были замечательны по тонкости, изяществу и благородству. И мы всегда с отцом ездили в консерваторию его слушать. (...) Андреев видел, как грустен мой отец, как ему тяжело и плохо жилось последние годы жизни, он старался его развлечь, приезжая со старушкой — певицей Мариинского театра, которая под аккомпанемент Андреева на нашем плохом рояле пела старинные чувствительные романсы; отец умилялся, а мы, дети, потихоньку подсмеивались» (7, с. 72,73).

---

¹ В наше время, начиная с 90-х годов, книги Розанова (и о Розанове) не являются редкостью, поэтому отсылаю читателя к соответствующей литературе.

² Александра Михайловна Бутягина (1883—1920) — падчерица В.В. Розанова, дочь В.Д. Рудневой (второй жены Розанова), в первом браке Бутягиной. (Примечания везде мои. — Б.Т.)

³ Софья Михайловна Андреева, урожденная Веселаго.

Сведения об Андрееве находим в воспоминаниях и другой дочери — Надежды Васильевны (1900—1956): «В воскресенье столовая полна гостями. Обычные гости: Василий Васильевич Андреев, создатель Великорусского оркестра (балалайка), чаще всего приезжавший после концерта, во фраке, в лакированных туфлях, с безупречным пробором на голове и с бородкой-эспаньолкой, весь сжатый, сухой. Под конец вечера он часто рассказывает еврейские анекдоты. Аля⁴ говорит, что в его крови должна непременно течь еврейская кровь, так как немыслимо с такой поразительной яркостью передавать мимику, интонацию, жесты» (5, с. 168).

Эти строки не оставляют сомнений в том, что Андреев был завсегдаем в доме Розановых, а восхищение артистическими способностями музыканта стало едва ли не общим местом для всех мемуаристов.

В первой из представляемых нами статей, на мой взгляд, дана самая яркая характеристика Андреева, высказанная когда-либо и кем-либо. Как пишет один из современных публикаторов Розанова, «комментировать розановские страницы — задача неблагоприятная да и ненужная. Слишком емко это слово, причудлива паутина ассоциаций, где за каждой ниточкой — раздумья, а то и целые судьбы» (3, с. 23). Поэтому предоставим слово Василию Васильевичу Розанову.

Великорусский оркестр В.В. Андреева

Надели *фраки*, и балалайка *удалась*.

Это был последний инструмент последнего русского человека, инструмент до того первоначальный, что он не только не «ожидал» от играющего слуха или умения, но не ставит требованием даже присутствие у него всех пальцев... «Трынь-брынь» — выходило, когда играющий просто «всей пятерней» махал по трем коротеньким струнам, издававшим коротенький звук, сейчас же умолкавший.

И им не наслаждались, а около него смеялись, гоготали. Он всегда был пьяный, этот инструмент, — и в противоположность достопочтенной гармонии, которая ходила в смазных сапогах, балалайка ходила просто босиком или в опорках, совершенно невообразимых. На такой-то балалайке играл свою «барыню-барыню» пьяный мастеровой, завалившийся в канаву.

Мимо него проходил однажды Василий Васильевич Андреев и протянул, остановившись над пьяным:

Э-э-э...

Он был небольшого роста и весь сжатый — с боков, спереди, сзади, — сухой, крепкий, нервный. Волосом черен, и борода эспаньолкой a la Napoleon III. Не человек, а «фрак»... Все в нем — форма, срок и обязанность. Встает рано, ложится поздно, и все сутки в заботе, труде и неутомимости. Он остановился над канавой, услышав «трынь-брынь», и произнес твердо:

Дело не в балалайке, а во фраке. Дело в том, что этот играющий на ней господин — босиком, не трезв и не умеет работать. Если бы он умел работать, он и в балалайке отыскал бы средства и возможность художественного удовлетворения. А чтобы приучиться работать, надо прежде всего сбросить эти опорки и надеть французские штилеты; далее — заменить остатки рваной рубахи и штанов голландским бельем, галстуком последнего фасона, и — главное! — по «тугой мерке» сшитым фраком, который бы сжимал, облегал бы человека, как стальную форму, который был бы «лучше, чем застегнутый», даже не будучи застегнут. Вот когда он наденет этот фрак, мы посмотрим...

И он взял вывалившийся у пьяного инструмент и унес к себе...

И работал день и ночь над ним. Хлопотал, заботился; всюду ездил, изучал, расспрашивал. Размышлял, много размышлял. Собрал учеников, помощников, школу с неперменным и единственным условием-канонем: «Никто без фрака да не приближается к балалайке».

И вышел через несколько лет «в Русь». Я слышал его, в частном доме, лет 20 назад, когда он только-только начинал: и хотя слушателями были все «люди русского направления», в халатах и полухалатах, он сам уже тогда был во фраке и в белом галстуке.

---

⁴ Уже упомянутая Александра Михайловна Бутягина.

В этом и секрет.

В большом концерте 22 января в зале Дворянского Собрания («бенефис оркестра») играли «Осень» Чайковского: закрыв глаза, вы слышали воющий ветер, такой печальный, такой одинокий, — такой ужасный тем, что его покинули цветы и плоды, что он не ласкает никакой зелени, никакой жизни, и в нем самом нет жизни, а есть только страшная тоска стихии, несущейся над развалинами, над камнями, над бесплодной пустыней...

О, как страшно, и жалко, и пугливо! Это душа плачет, когда в ней осень, когда все потеряно, все утрачено...

Раскрыл глаза: перед замершим в благоговении залом сидит человек 70 людей в черных фраках и белых галстуках с сосредоточенностью монахов. И эти «монахи» Андреева, все с английскими проборами посередине головы, элегантные, молодые, энергичные, сидят над трехструнными балалайками, и каждый в отдельности и каждую минуту издает «трынь-брынь». Да, но и «Медный всадник» Пушкина состоит в каждой строчке и во всяком слове из «аз-буки-веди», т. е. не из большого добра.

Но

Люблю тебя, Петра творенье.

...Андреев слил в шум ветра эти коротенькие, не способные к развитию звуки, звуки без тонов, звуки без теней... Тут что-то играли на «bis», в первом отделении концерта, играли «из Грига» (Андреев объявил): это был чудный шепот, — и вы слышали, как грудь шепчущего задышалась от какого-то волнения... Балалайки шептали...

Балалайки шептали!!!

Но разве «современный слон» не танцует, а из «счета по пальцам» древнего человека не вышла теперешняя алгебра? Все дело — во фраке. Дело в том, чтобы не спать, думать, заботиться, на стуле сидеть прямо, а не разваливаться, чтобы вынести на чердак из жилых комнат всякие этакие «диванчики-разлегайчики», этакие «наши халатчики», сладенькие пуховички, и проч., и проч., и проч. Не туфли, а опара: нога так и тает. Андреев сказал: «Во-о-н!!!» «Это — не туфли, а сам сатана, прикинувшийся туфлей и соблазнивший человека ко сну, лени и ничегонеделанью, за которыми он погибнет гораздо вернее, чем со всякими Мессалинами, за которыми все-таки надо еще поухаживать, т. е. потрудиться». «В туфле — все семь смертных грехов»...

-Да,-

Люблю тебя, Петра творенье.

...И, зажмуривая и открывая глаза, я все обдумывал на концерте «петербургский период русской истории», и Андреев дал ему такую изумительную иллюстрацию в своем концерте. Кстати: впечатлению помогали и немецкие голоса, а до начала концерта при входе — речь французская и английская. Сзади же я по всей линии четвертого ряда кресел (позади себя) слышал сплошную немецкую речь «до» и «после» музыки. Иностранцы, очевидно, полюбили «Великорусский оркестр балалаечников В.В. Андреева», как одну из удивительных виртуозностей, какие достигаются над русским материалом его европейской обработкой.

Слава — Андрееву.

Но прежде — слава Петру.

И очень большое «nota bene»⁵ нашим славянофилам.

22 января 1913 г.

Впервые статья напечатана в газете «Новое время» 25 января 1913 года № 13245. Перепечатана в двух книгах (3,307—309; 4, с. 391-393).

Впечатление Розанова от исполнения «Осени» («Октябрь» из «Времен года») Чайковского перекликается с фрагментом из «Мимолетного» (1914 год):

...Волшебный Чайковский.

...И тягуч и могуч.

---

⁵ Хорошо заметь (лат.); здесь можно перевести как урок.

...Чайковский — змейка, которая кусает сердце. И не хочется ее оторвать» (1, с. 198).

Эти строки навеяны исполнением Великоорусским оркестром под управлением Андреева Романса фа минор для фортепиано (ор. 5) на концерте 4 января 1914 года.

Приведу еще одно высказывание Розанова об Андрееве:

«Вас. Вас. Андреев всегда мне казался примером и типом великого человека (...). Что он взял: брошенную вещь, заплеванную вещь. Никому не нужную, никому не полезную. И всю жизнь положил в одну эту вещь. Он во всю свою жизнь ни на кого и ни на что не оглядывался. Не женился, не ухаживал, не флиртовал. Не читал даже ничего. Не знакомился — иначе как «в интересах балалайки». Никто еще из известных мне людей «гений специализации» не довел до такого абсолютного уединения и такой абсолютной специализации, как В.В. Андреев(...) Он отнюдь не честолюбив и не славолюбив, властолюбив и еще менее, и часто перед людьми, даже вовсе им не «обожаемыми» (М.М. Иванов)⁶ «стелется ковриком». Ты через меня пройди, но потом оглянувшись — сделай что-нибудь для балалайки» (2, с. 114,115).

Вторая статья Розанова была написана вскоре после первой и самим автором рассматривалась как дополнение к ней. Во всех последующих книжных перепечатках она дана как *Post scriptum* к статье «Великорусский оркестр В.В. Андреева».

Еще о В.В. Андрееве и его народном оркестре

М.М. Иванов⁷ всегда логичен, всегда исторически-учен, и потому речь его всегда убедительна. Но он имеет *esprit mal tourne*⁸, — и оттого его речи могут иногда получать разрушительное, вредящее значение. Такова его последняя длинная речь о В.В. Андрееве, который *не для себя* отнюдь, а для дела, предпринятого им на *музыкальное просвещение всей России*, ходатайствует перед Г. Думою о субсидии.

Дело это — создание по *городам и городишкам* русским, при *учебных заведениях*, при *воинских частях*, при всевозможных маленьких *сообществах*, технических, промышленных, ремесленных и проч., *великорусских оркестров*, с употреблением древнейших и вместе простейших инструментов, балалайки, домры и гуслей. Учиться на таком инструменте всего недели две; всякий это сможет; и вместе с тем сам В.В. Андреев показал на своем оркестре, что «оркестр на этих инструментах» может давать волшебную музыку. Он имеет вдохновение к этому делу, — то вдохновение, которого до него никто не имел, и после него мало надежды, чтобы кто-нибудь с такую же силою, с равным талантом и с таким же успехом получил, выразил и осуществил такое вдохновение.

Дело это вполне национальное, народное. Он дает талант, натуру, «врожденное»; пусть казна приложит свой «рубль» — и дело сделается.

М.М. Иванов возражает:

1). Но ведь не давали же субсидии Славянскому⁹, устройтелю народного хора, и семья его чуть не гибнет с голоду. М.М. Иванов пишет это с негодованием и горечью. Но делает вывод:

---

⁶ О М.М. Иванове см. далее.

⁷ Иванов Михаил Михайлович, родился 11(23) сентября 1849 года в Москве, умер 20 октября 1927 года в Риме. Русский музыкальный критик, композитор. Учился в Москве у А.И. Дюбюка (фортепиано) и у П.И. Чайковского (теория композиции). В 1870—1875 годах занимался в Италии по композиции у Дж. Сгамбати. С 1875 года жил в Петербурге. Автор 4-х опер, балета, оркестровых сочинений и др. Написал двухтомную «Историю музыкального развития в России» (1910—1912 гг.) В 1918 году эмигрировал в Италию. Принципиальный противник композиторов «Могучей кучки».

Другой Иванов Михаил Михайлович, родившийся на 10 лет позже, был вынужден во избежание путаницы взять двойную фамилию, став всем известным М.М. Ипполитовым-Ивановым (1859-1935).

Интересно, что с 1860 по 1917 год М.М. Иванов был заведующим музыкальным отделом газеты «Новое время» и вел еженедельные обзоры под названием «Музыкальные наброски». Таким образом, получается, что в своей статье об Андрееве Розанов выступил против коллеги по службе.

⁸ Ум, направленный на дурное (франц.).

⁹ Агрневу-Славянский (настоящая фамилия Агрневу, псевдоним Славянский) Дмитрий Александрович (1834 или 1836—1908) — русский певец (тенор), хоровой дирижер. В 1868 году организовал хор «Славянская капелла», с которым концертировал в России и за рубежом.

«Следовательно, не надо давать и Андрееву». Напротив, именно «надо дать». Зачем же делать сплошь два скверные дела.

2). Балалайка, домра и гусли — не скрипка, «с ее тягучим волшебным звуком». И как «при железных дорогах» глупо заботиться о старых и несовершенных мальпостах и дилижансах, так точно незачем бросать деньги на ветер ради балалайки.

Да. Есть дороги. Но есть еще *тротуары*. И нельзя пренебрегать тротуара на Невском, «потому что есть железная дорога между Москвой и Петербургом». Явно, что скрипку не воспримет население, берущееся за балалайку, — не воспримут солдаты, не воспримут приказчицы клубы, не воспримут ученики ремесленных и реальных училищ, которые музыке *могут отдать небольшие и короткие досуги*, могут отдать ей *невысокие музыкальные способности*. В.В. Андреев все построил на небольших и на совершенно маленьких способностях, на небольшой привязанности к музыке: в том его гений, в том и величие его *народного дела*. Это действительно редчайшее сочетание огромного *личного дарования с самым скромным требованием от других*.

Германия, когда «возрождалась» после наполеоновского разгрома, поддерживала все подобные предприятия, клонившиеся к художественному, к умственному, к всяческому духовному возрождению народных масс немецкого племени. Не дать «зачервиться» народному телу, зачервиться в пьянстве, в разгуле, во всяких гадостях, — это первое дело, первая забота государства. В этих намерениях построены и «Народные дома» у нас и во всей Европе, но, — увы, — сами, кажется, «зачервившиеся» нахлынувшим сюда потоком разгульного люда. Музыка Андреева, народная и элементарная, если бы она везде привилась (а она уже в *сотне* глухих и далеких городков привилась), дала бы множество узелков *благородного притяжения* народному духу и народным нравам, требуя, однако, от каждого участника не пассивного слушания звуков, но некоторой *выучки и постоянного упражнения*, которое приятно. Это сбережет множество народных душ, народных жизней, биографий; сбережет для трезвого труда и семейной жизни, для здорового и ясного быта.

Я думаю, и сам М.М. Иванов, в конце концов добрый и благожелательный человек и просвещенный музыкант, согласится с этим. И его *esprit mal tourne* обратится, «поворчав», в *esprit bien tourne*¹⁰. Пусть и он пожелает доброго покровительства *народных представителей* истинно *народному делу*.

1913 г.

Статья напечатана в «Новом времени» 19 апреля 1913 года, № 13326, и является ответом на статью М.М. Иванова «Художественная милостыня народу (о 25-летнем юбилее В.В. Андреева)». 1913, № 13324.

Последняя (третья) статья Розанова о своем друге была напечатана тоже в «Новом времени» 7 февраля 1917 года, № 14701. С тех пор перепечатывается впервые.

Бенефис Великорусского оркестра «Новое время» 7 февраля 1917 г. № 14701

Бенефис артистов Великорусского оркестра В.В. Андреева дает случай и повод сказать и «от своей души», и, без сомнения, «от души» всей матушки Великой России горячее спасибо тем многочисленным талантам и тем многочисленным труженикам, которые окружают «длинноногого журавля-виртуоза», каковой стоит с палочкой на эстраде и «за всех» раскланивается «один». В самом деле, что мог бы сделать В.В. Андреев один? Хор есть хор, т. е. множество, толпа. Великий дар Андреева дал ему силу связать, соединить людей, устремив всех их к заветной ему одному цели, к понятной ему одному цели, задаче и осуществлению. «Без королевства и король не король», и это можно сказать о всякой коллективной работе. В особенности имя Н.П. Фомина, который гармонизовал и инструментовал для балалаек многие музыкальные творения, созданные их авторами вовсе не для балалаек, домр и гуслей, должно

---

¹⁰ Ум, направленный на хорошее.

произноситься всеми бесчисленными слушателями Великорусского оркестра с благодарностью. Устно В.В. Андреев много раз рассказывал об удивительном одном мастере, может быть С.И. Налимове, выставленном на программе, который изготавливает ему балалайки самого высокого качества, самых тонких свойств. Все это должно принять во внимание, все это уже теперь требует исторической памяти. «Великорусский оркестр», доведенный до такой степени совершенства, как это мы имеем сейчас перед лицом своим, есть крупное историческое дело с самой интересной судьбой «мореплавания». И о добродетельных и талантливых «спутниках» плавания В.В. Андреева никак нельзя забывать. Они прекрасны, прелестны, в этом умении «быть вместе», работать «согласно».

И вот это — урок для русских, которые вечно о всяком деле спорят и около всякого дела ссорятся. Зная хорошо В.В. Андреева, я о нем никогда не слышал дурного слова, а заочного уважения слышал слишком много. И это чувствуется; чувствуется гипотетически, через смысл, через пространство. Необыкновенный ум артиста (его я решительно требую для В.В. Андреева) выразился в том, что он понял, где центр единения, слитности. В уважении нужно уважать тех людей, которыми я руковожу, но которые мне и помогают создать «мое дело». Он прямо окружил их нежностью (знаю это по рассказам его), как насадка цыплят своих. Удивительно ли, что они ответили всей энергией ума и прилежания? И вот создалось великолепное «русское дело».

Ах, черный журавль еще будет долго дивить Россию. Он вечно прихварывает, в гостях ничего не ест (подозреваю — и оттого, что у него дома стол всегда вкуснее, чем случается в гостях), тощ, сух. «Будто хворает», и вот увидите — доживет до 80 лет¹¹. «Сухое дерево долго скрипит».

Ну, скрипи, сухое дерево. И утешай матушку-Русь волшебством своих балалаек. Они и вчера были волшебны. Какой бархат звуков! Мягкость, нежность. В основе, в элементе «трынь»-«трынь», а вместе все поют и заунывную русскую песнь, и чудеса европейской и русской новой музыки. «Тут домовый¹², тут леший бродит». «Русалка на ветвях сидит».

В. Розанов

***

Сегодня, спустя почти 90 лет со дня последнего розановского слова об Андрееве, поражаешься, до какой степени в начале февраля 1917 года даже такие «сейсмологи», как Розанов, не чувствовали масштаба ожидаемых перемен. До первого «апоплексического» удара по Российской империи оставались считанные недели, второй — смертельный — настиг ее в октябре. Перед 1991 годом тоже раздавалось: «Мы хотим перемен!» Ответ известен: «Извольте получить», и рухнула вторая империя.

В начале XX века в России произошел расцвет духовной музыки, названный «Новым направлением». Известный исследователь русской музыки М.П. Рахманова пишет: «Во второй половине 20-х годов ушли из жизни (конечно, не без влияния потрясений революционных лет) А.Д. Кастальский, Викт.С. Калинин, Д.В. Аллеманов, В.М. Металлов, А.В. Преображенский.

---

¹¹ За четыре года до этой статьи Розанов сравнивал Андреева с Шаляпиным (характеристику последнего здесь вынужден опустить): «...В. В. Андреева можно назвать гением прилежания, упорства работы над собой и над всем вокруг себя, около себя. (...) Андреев весь — инженерное искусство, он «роет носом землю» и выстраивает чудесные ходы и проходы в камне, в песке, черт знает в чем (...) С Шаляпиным все может случиться, как с Андреевым «ничего не может случиться» (4, с. 412).

¹² Розанов почти всегда цитировал тексты (как прозаические, так и поэтические) наизусть, возможно испытывая удовольствие быть хозяином чужого материала, приспособливая его для своих нужд. Отсюда множество неточностей, впрочем, конечно же находящихся в зоне смысла оригинала. В данном случае вместо хрестоматийного «там чудеса: там леший бродит» читаем: «тут домовый, тут леший бродит». Думаю, что коррекция пушкинского текста здесь сделана сознательно. В упоминавшемся мною письме-поздравлении Розанова по поручению «Нового времени» с 25-летним творческим юбилеем Андреев назван демоном, а затем, памятуя о том, что «на Руси водятся только добрые демоны, именуемые «домовыми», Розанов называет Андреева «домовым русской музыки» (8).

За границу уехали С.В. Рахманинов, А.Т. Гречанинов, Н.Н. Черепнин, А.Г. Чесноков, А.А. Архангельский, и таким образом, с «Новым направлением» было покончено» (6, с. 396).

Я подсчитал: оставшиеся в России прожили (в среднем) 63 года, уехавшие — почти 75 лет.

«Потрясения революционных лет» первыми сказались на Андрееве. Зимой в конце 1918 года надо было ехать на Северный фронт (Няндом, Плесецк, откуда потом полетят ракеты в космос) обслуживать красноармейские части, чего не могло бы произойти в мирное время. Холод, голод, переезды в вагонах-теплушках, дирижирование во фраке несмотря ни на что, простуда и уровень медицинского обслуживания в то лихое время не пощадили 57-летнего Андреева, не отличавшегося крепким здоровьем с самого детства.

А как хотел его друг и полный тезка, чтобы «черный журавль» (кстати, очень редкая птица) дожил до 80 лет и радовал матушку-Россию! Андреев умер в Петрограде в ночь с 25 на 26 декабря 1918 года.

В сентябре 1917 года вся семья Розановых переезжает из Петрограда в Сергиев Посад (Загорск) недалеко от Москвы. Надежды на бегство от голода не оправдались. Ежедневные кошмары жизни «переходят» в последнюю книгу Розанова «Апокалипсис наших дней», так что Розанова надо считать «зеркалом русской революции», а не Льва Толстого.

Единственный сын Василий, поехавший на Украину за продуктами для семьи, так и не вернулся: умер в дороге в октябре 1918 года от «испанки», как тогда называли грипп, переходящий в воспаление легких. Через месяц после смерти сына Розанова парализовало, и умирал он вплоть до 5 февраля (по новому стилю) 1919 года, когда в яркий солнечный зимний день его похоронили на кладбище Черниговского скита близ Троице-Сергиевой лавры на 63-м году жизни.

Дочь Розанова — Татьяна, до последних дней находившаяся рядом с отцом, о том, что Андреев умер в 1918 году, узнала только в 60-х годах от артистов Государственного оркестра им. Н.П. Осипова, приезжавших на гастроли в Сергиев Посад, тогда Загорск (7, с. 72). Из этого я делаю вывод, что Розанов так и не узнал о смерти друга.

Сегодня еще рано подводить черту под исследованием истории взаимоотношений двух выдающихся сынов России. Наверняка что-то еще скрывается в архивах. Я представил читателю только то, что лежит на поверхности, но и этого, на мой взгляд, достаточно, чтобы утверждать, что Розанов все-таки поработал «в интересах балалайки», а следовательно, «не зря» Андреев с ним дружил.

Б. Тарасов

Библиография

1. Розанов В.В. Мимолетное. 1914 год. В кн.: В.В. Розанов. Когда начальство ушло... Собр. соч. под ред. А.Н. Николюкина, том 8. — М., 2005.
2. Розанов В.В. О ближних и дальних (Пометы к письмам корреспондентов) / Литературоведческий журнал. — 2000. № 13/14, кн. 1, с. 114,115.
3. Розанов В.В. Сочинения. Вступ. ст. А.Л. Налепина. — М., 1990.
4. Розанов В.В. Среди художников. Собр. соч. под ред. А.Н. Николюкина, том 1. — М., 1994.
5. Розанова Н.В. Из моих воспоминаний / Литературоведческий журнал. — 2000. № 13/14, кн. 2.
6. Рахманова М. Русская духовная музыка в XX веке / Русская музыка и XX век. — М., 1997.
7. В.В. Розанов: Pro et contra. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. - СПб.: РХГИ, 1995.
8. В.В. Розанов — В.В. Андрееву. Поздравление от редакции «Нового времени». — РГАЛИ, ф. 419, ед. хр. 254.

Журнал «Народник» 2005, №2, стр. 6-10.

В.В. РОЗАНОВ: СЛОВО ОБ АНДРЕЕВЕ (Очерк второй)

Выдающийся русский писатель, философ и публицист Василий Васильевич Розанов родился 2 мая 1856 года в захолустном городке Ветлуге под Костромой.

Выдающийся русский музыкант, исполнитель и дирижер, композитор, основатель Великорусского оркестра, педагог и просветитель Василий Васильевич Андреев родился 15 января 1861 года в столь же захолустном городке Бежецке Тверской губернии.

Судьба свела их в Петербурге — городе, ставшем местом их служения России.

В первом очерке (см. «Народник» № 2 за 2005 год, с. 6 — 10) были опубликованы три статьи Розанова об Андрееве с моими вступлением, комментариями и заключением. Позднее обнаружилась еще одна статья (по всей вероятности, последняя), к которой я присоединил поздравительное письмо Розанова от редакции газеты «Новое время» (о нем было упомянуто в первом очерке). В перспективе — изучение писем Андреева к Розанову и публикация их в виде подборки или обзора, если материал будет интересным. Оговорка не случайна, поскольку в переписке людей, живущих в одном городе, часто можно встретить фразу — «но об этом подробно поговорим при встрече», после которой исследователь остается ни с чем.

2006 год исполнилось 150 лет со дня рождения В.В. Розанова и 145 лет со дня рождения В.В. Андреева. Розановский юбилей был отмечен 24 мая в Москве на Международной Розановской конференции при участии философов, филологов, историков, культурологов, богословов (перечень можно продолжать — столько областей затронул Розанов) из многих стран мира.

К настоящему времени (начиная с 1994 года) вышел 21 том собрания сочинений писателя под общей редакцией А.Н. Николюкина в московском издательстве «Республика». Здесь же ведется работа по созданию «Розановской энциклопедии». Такому размаху можно только позавидовать.

Что мы можем сегодня (и должны были давно) сделать в память об В.В. Андрееве? Думаю, что прежде всего необходимо предельно *расширить* документальную базу, тогда и *вглубь* «копать» станет легче. Лед тронулся совсем недавно с выходом в свет книги А.И. Переседы «Андреев, Шаляпин и балалайка» (Краснодар: Эоловы струны, 2001; издание второе), где наконец-то наука перешла от чувства гордости за дружбу Шаляпина с Андреевым к *конкретному* изучению содержания этой дружбы.

Только исследовав все творческие контакты Андреева, его *фактические* достижения в создании Великорусского оркестра, отношения с соратниками и т.д. можно получить предпосылки для написания научной (не ученой, а научной) монографии об Андрееве. Опыт показывает, что для написания такого труда требуются усилия многих людей в самых различных направлениях. Статьи В.В. Розанова, по моему мнению, «поставляют» живой и яркий материал для уточнения наших представлений об Андрееве. Кроме того, они имеют одну особенность: Розанов-слушатель слышит, если можно так выразиться, ушами социолога, ставя в центр своего внимания не столько характеристику происходящего, сколько те результаты, которые возникают в общественном сознании от деятельности Андреева, другими словами, оценивая то, ради чего, собственно, и трудится музыкант.

Примечательно, что контакты Розанова с музыкальным искусством весьма избирательны: как слушатель он большой поклонник музыки П.И. Чайковского, как рецензент он сосредоточивает свое внимание *только* на Андрееве и его Великорусском оркестре. Мы не можем пройти мимо его пяти статей, ибо, повторяю, ничего более яркого и живого об Андрееве не было написано.

Итак, первый материал представляет собой текст поздравления В.В. Андреева от редакции газеты «Новое время» с 25-летием творческой деятельности (1913). В.В. Розанов написал его по поручению коллектива газеты. Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в РГАЛИ (ф. 419, ед. хр. 254).

Второй материал — статья «На концерте В.В. Андреева» («Новое время», № 13588 от 9 января 1914 года), которая с тех пор не перепечатывалась.

Б. Тарасов

В.В. Андрееву Поздравление от редакции «Нового времени».

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Редакция и сотрудники «Нового времени» радостно приветствуют Вас в день исполнившегося 25-летия Вашей поистине удивительной, оригинальной и многоплодной деятельности. Русский народ всегда был соловьем между народами, но не доставало соловью этому выучки, школы, и вообще всего того, что в природе и натуре всякого искусства прибавляет метод и прибавляет прилежание. Русский народ и не методический, и далеко не прилежный. Своей русской душой, влюбившись в русского соловья, Вы помогли ему великим изучением народных инструментов и организацией того, что Вы назвали «великорусским оркестром». Вы взяли балалайку, эту русскую простонародную лиру, и создали «оркестр балалаечников», но который передает не только все родные напевы, все деревенские мелодии, но и углубленнейшие и пытливейшие вдохновения новейшей музыки, нашей русской и европейской.

Слушая в Вашем исполнении «Эй, ухнем», мы едва верим, что те же музыканты и те же инструменты передают и тоскливую «Осень» Чайковского («Октябрь» из фортепианного цикла «Времена года». — Б.Т.), и «Листок из альбома» Грига. И поистине как «скупой рыцарь» Пушкина чувствовал себя властелином мира через золото, так и Вы с волшебной палочкой можете повторить о царстве звуков, томящих и ласкающих наши сердца:

Что не подвластно мне? Как некий демон

Отселе миром править я могу.

Кстати, Вашу милую и добрую душу чувства (далее пропуск из-за повреждения в тексте. — Б.Т.) «демоническую оболочку» настоящего демона. Но на Руси водятся только добрые демоны, именуемые «домовыми», и не зря: Вы вот такой «домовой» русской музыки, кто ее заботливо устроивший, давший ей счастье, удачу, пронесший ее по всей России и по обоим полушариям света, и, словом, сотворивший всё, что полагается «домовому».

Жмем Вашу руку, столь благороднейшему и оригинальнейшему из русских. Никогда не умрут Ваши заслуги в истории музыкального развития России, а «балалайку» поистине можно называть впредь «Андреевской» — до такой степени Вы ее слили с собою, и этой маленькой птичке, этому некрасивому «соловью» отрасли крылья, которые перенесли этого соловья за немецкие моря, за Атлантический океан. И где ни раскиданы русские (а где они не раскиданы?) — везде они слушали эту балалайку и милые песни Родины со слезой и умилением.

Как русские люди — кланяемся Вам низко и благодарим за заслуги Родине, для которой мы все трудимся.

Санкт-Петербург, 2 апреля 1913 г.

В. Розанов. НА КОНЦЕРТЕ В.В. АНДРЕЕВА («Новое время» 1914 г., 9 января, № 13588).

Ну что же туг «говорить об Андрееве»: он давно вышел из стадии нужных рецензий. Труд земледелия кончен, могучие прессы выжали из виноградных кистей сок, вино разлито: и теперь он пьет его и угощает им. Все, конечно, хорошо: балалайки плакали в «Травиате» (в отрывке из оперы Дж. Верди. — Б.Т.), переливались мелодичным звоном и тихим пением молитв в «В монастыре» (пьеса из «Маленькой сюиты» для фортепиано А. Бородина. — Б.Т.), замирали в «opus 5» Чайковского (Романс фа-минор для фортепиано. — Б.Т.)... И душа самого требовательного слушателя наслаждалась «нашими» балалайками как бы самым выдержанным оркестром смычковых инструментов.

Все это «конечно» и «говорить нечего»... Труд окончен для В.В. Андреева, и он вошел в пору торжества, — надеемся, долгого.

Я сидел так удобно, что видел его дирижирование, чего за спиною артиста, в самом зале, не видно. Это удивительно и волшебное. Мастерство дирижирования — труднейшее и волшебное. «Играет» собственно дирижер, а каждый порознь инструмент — только выполняет. И каждый в оркестре видит свое, слышит свое, занят своим: и один дирижер слышит всей знает всё, и это он «подает публике музыку». Удивительно. Оркестр — печка, дирижер — повар; «печет» она, но «готовит кушанье» — он...

«В нежности-то и сила» — думалось, глядя на В.В. Андреева с его палочкой, похожей по тонкости на стрелу или хлыст.

«Кошка, кошка, играющая с мышью!.. Как бесконечна твоя игра!.. Как утомительна, работна для подчиненных! А тебе, усатый кот, только наслаждение»...

— Теперь — да! А был и *мой черед* труда выработки, приспособления... Теперь каждый прыжок мой — легкий и кажется ничего не стоит: но чтобы дойти до этой легкости, нужно было ползти и не спать ночи и дни...

Так чем-то хищным, кем-то хищным, стоял он над оркестром. И оркестр плакал, звенел, переливался, вздыхал еле слышными вздохами...

«Это наши-то балалайки».

Как и всегда, зал имел что-то в себе не концертное, а бальное. В него собираются не слушать и трудиться, а слушать и наслаждаться.

«На Андреева мы идем, не чтобы слушать ученые упражнения на звуковые темы, а чтобы слушать и отдохнуть»...

Где-то я услышал полусшепот за спиной: «Я приехала сюда совсем больная: а сейчас чувствую себя не только здоровой, но точно и никогда не хворала».

«Поднимало» зал, поднимало — «всё»...

В самый зал распространилось то одушевление, которое царило в оркестре. Входя «в концерт Андреева», точно идут в какой-то вихрь, чтобы унести, закружиться и забыться. Вот отчего, я думаю, концерты Андреева имеют в себе необъяснимую психологию бала, и в них приходят одетые по-бальному.

В. Розанов

В.В. РОЗАНОВ: СЛОВО ОБ АНДРЕЕВЕ (очерк третий).¹³

Настоящей публикацией завершается цикл очерков под названием «В.В. Розанов: слово об Андрееве», несмотря на то, что название на этот раз не совсем точно будет отражать содержание. Ниже будут представлены несколько писем В.В. Андреева к В.В. Розанову, а также некоторые другие материалы.

Для начала даю статью В.В. Розанова «Ежегодные 25 тысяч рублей на народную музыку», напечатанную в газете «Новое время» 5 февраля 1914 года (В.В. Розанов. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913-1915 гг. М.-С-Пб., 2007, с. 241-243).

Ежегодные 25 тысяч рублей на народную музыку

В пятницу 7 февраля будет произведено голосование по предмету, пустяковому в денежном отношении и чрезвычайно ценному по внутреннему содержанию. Будет удовлетворено или будет отвергнуто ходатайство известного В.В. Андреева об отпуске ему ежегодного воспособления из средств государственного казначейства в размере 25 тысяч рублей на уплату жалованья состоящим в его «великорусском оркестре» музыкантам, помощникам его и при исполнении пьес, и в деле двигания вперед по всей России народной музыки, древней, легко исполнимой по её элементарности и вместе доведённой до высокой виртуозности его личными 25-летними усилиями, в которые вложены были исключительный талант и призвание.

Дай Бог, чтобы при обсуждении и голосовании этого ходатайства, не испрашивающего больше денег, чем сколько требует захудалая уездная прогимназия «с древними языками», где полтора-двадцать учеников тоскливо исполняют министерскую программу предметов «себе не на утешение» и «родителям и отечеству не на пользу», - дай Бог, чтобы оно разрешилось просто и ясно, в двух словах, и не вызвало ленивых и сонных дебатов на тему: «Позвольте, у нас школ нет», «позвольте, у нас больниц мало» и т.п., и т.п., причём после таких гражданских жалоб мы и школ новых не оснужаем, и народную музыку с десятками тысяч учеников-музыкантов по всей России похороним. Дай Бог, чтобы Государственная Дума при этом голосовании не обратилась в «бюро похоронных процессий», с факельщиками в белых и чистых кафтанах и во французских шляпах. Нужно сказать просто - «да» на простое и ясное дело. Нужно вполне удивляться и нужно полно использовать случай, что нашёлся человек, всецело отдавшийся разработке и поднятия из забвения древних, былинных инструментов - домры, балалайки и гуслей, - из-под затопившей их пьяной разгульной гармонии, фабричной и трактирной гармонии. Организация при народных школах, при мелких и средних ремесленных заведениях, во всякого рода мелких сообществах, наконец, при полках великорусских оркестров по образцу и по типу оркестра В.В. Андреева, причём он сам страстно спешит всюду указывать, научать и давать советы, выразилась уже огромным движением, о котором свидетельствует возникновение новой промышленности у нас, выделки балалаек, ежегодно продаваемых на полтора миллиона рублей. Это уже е с т ь, это с о з д а н о, и этому нужно придать обширнейший и ускоренный полёт. Само собою, сам В.В. Андреев и его оркестр не нуждаются в личном пособии; успех его концертов покрывает с избытком содержание личного оркестра. Но Андреев заботится не о своём удовольствии, а о том, чтобы, умирая, видеть, что дело его укрепилось и цветёт в России и смерть «военачальника» не погубит армию молодых балалаечников. Ибо это действительно есть армия, раскинувшаяся по России и перекинувшаяся за границу, в Германию, Англию и Соединённые Штаты. Вот на организацию-то, на заведение вновь и вновь, далее и далее этих крошечных «великорусских оркестров» и нужны ничтожные 25 тысяч. Не чтобы «самому играть в Петербурге», а чтобы «повсюду в России играли» гимназисты, ученики школ, мастеровые, приказчики, по казармам - солдаты. Играли, сыгрывались, разучивали пьески и около всего этого благородно ютились, благородно общились.

¹³ Первый и второй очерки напечатаны в журнале «Народник» №2 за 2005 и №4 за 2006.

И пусть не говорят ещё в Г. Думе старого приказного слова: «Зачем не канцелярия?» «Мы дали бы субсидию учреждению, но не можем дать её лицу». Лицу, которое двадцатью пятью годами деятельности уже оправдало себя, свой труд на благо народное и свой талант, именно и можно дать без опасения, что оно эти деньги «прогуляет» или «убежит с ними», а дать их «канцелярии», «комитету» и «учреждению», очень вероятно, - значит дать эти деньги на перья и на бумагу «со служебной перепиской», где будут великолепным почерком писать, но не будет никто играть на инструментах, - или будут играть «в канцелярии» и «для отчёта». Конечно, Андрееву при его организаторских талантах и всесветных связях ничего не стоило бы создать подобное «учреждение», но он не хочет хоронить своё же детище в пыльном гробе канцелярских форм, канцелярской переписки и коллективных обязательных совещаний с «членами совета», ничего в деле не понимающими и к делу равнодушными, но уже с правом «вмешиваться» и «мешать». «Учреждение» ограничивает в произволе бездарное лицо, но «учреждение» мешает и связывает, наконец, - прямо умерщвляет талантливое и живое лицо, привязывая к ноге его мешок с фразами, формами и служебными обязанностями. Неужели Г. Дума скажет: «Мы не верим русскому человеку, а верим только одному чиновнику», ибо обусловливание дела «учреждением» сводится к требованию «надеть мундир и поступать по форме».

Мы боремся, и, кажется, успешно на этот год, с пьянством; поднята борьба с хулиганством; всеобщие и всех усилия подняты на борьбу с порочностью и преступностью в населении городов и сёл. Но ведь чем-то надо наполнить досуг. Недостаточно «валить пироги», надо подумать о его начинке.

Книга - это о д н о.

Школа - ещё о д н о.

Чтение, библиотеки – д а и д а!

Организация певческих хоров, певческих обществ, - всё это п р е в о с х о д н о!

Хоров в церквах – л у ч ш е н е к у д а.

И под вечерок, в тихий летний вечер, где-нибудь на сельской лужайке - «Вниз по матушке по Волге», «Эй, ухнем» или что-нибудь ещё из бесконечных народных напевов в струнном исполнении, когда уже не будет В.В. Андреева в живых - «в память В.В. Андреева».

Будьте, господа, здравомысленны, ясны и рассудительны. Золотое яблочко подкатилось вам под ноги: не оттолкните его.

(«Новое время» от 5 февраля 1914 г. Перепечатано в: В.В. Розанов. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913-1915 гг., М. - С.-пб., 2007 г., стр. 241-243).

Далее даю ещё два фрагмента из размышлений философа о Великорусском оркестре В.В. Андреева.

7. III. 1915.

Всё пело, плакало, смеялось...

Что это?

Скрипки? Виолончели? Флейты? Церковный певческий хор, - на клиросах?...

Нет: это просто балалайка (но которую взял в руки Андреев), гусли да домры В.В. Андреева. Это его Великорусский оркестр празднует свой бенефис. Всё было как обыкновенно у него. То есть, исключительно и прекрасно. Народный дом бесновался. Я вспомнил Годнева.¹⁴

Напечатано в: В.В. Розанов. Мимолётное. 1914. 1915. Издание второе, исправленное. М., изд-во «Республика», 2011, с. 106-107.

---

¹⁴ Годнев И. В. (1856 - ?) - доктор медицины, педагог, депутат III и IV Государственной Думы, после революции эмигрировал. Докладчик по делу представления законопроекта о 25000 рублей, предполагаемых для Великорусского оркестра, и который первым предложил отклонить законопроект. Об этом см.: Балалайка и Дума // Аккорд, №10,1914г.,с. 157.

Таинственные соотношения

(В.В. Розанов. В чаду войны. М., 2008, с. 533)

(...) он (В.В. Андреев - Б.Т.) ездил с оркестром балалаечников в Англию, как бес умён и наблюдателен и, угощая меня из золотого портсигара душистою папироской, сказал: «В Англии совсем нет песен. Народ не поёт. И никаких народных, деревенских инструментов. Мой оркестр и всё моё предприятие не могло бы осуществиться, если б я родился в Англии. Но я родился в России, самой музыкальной, самой песенной стране в мире».

На этом заканчиваются выявленные мной высказывания В.В. Розанова о Великоорусском оркестре и об В. В. Андрееве.

В НИОР РГБ сохранились два письма и одна телеграмма В.В. Андреева к В.В. Розанову.

В.В. Андреев - В.В. Розанову от 5 марта 1914 г.

Дорогой Василий Васильевич! Вчера Государственная Дума похоронила моё детище заживо! Подаю прошение Государю о разрешении прекратить деятельность Великоорусского оркестра. Больше не могу - ходить, просить, писать «прошения», что я должен был проделывать в ущерб прямому своему делу, то есть музыке, в течение *трёх лет* (шутка сказать!). Повторяю - больше не могу, да и нельзя, нельзя во всех отношениях. Я уже подошёл к самому *пределу*. Знаю, что Вы душой со мной и мне это отрадно. Крепко Вас обнимаю. Любящий Вас В. Андреев.

(НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4216. Ед. хр. 1. Л. 10-11.)

Письмо выражает отчаяние В.В. Андреева по поводу запрета Государственной Думы выделить 25000 рублей на обеспечение деятельности Великоорусского оркестра. Известно, что эти деньги чуть позднее были выделены В.В. Андрееву из царской казны.

В.В. Андреев - В.В. Розанову. От 16 марта 1914 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Василий Васильевич, не могу удержаться, чтобы не писать Вам и не просить Вас писать. Говорю о том, чему лично был свидетелем. Живу в деревне. Лично наблюдал результаты дней трезвости. Деревня не узнаваема. Народ как-то преобразился. Помимо того, что хулиганства и в помине нет, люди совсем другие стали. Появилась красота души, столь свойственная нашему народу, задремавшая было под пьяным налётом. Во многом она уже проявилась и проявляется. Тысячу лет пройдёт и не будет (не случится) более удобного момента помочь народу удержаться от пьянства. Это необходимо учесть, иначе свершатся величайшие из преступлений. Сам Бог облегчает пути к избавлению от ужасного порока. Надо ли говорить о благах неисчислимых трезвости?

Возьмём разницу между трезвым и пьяным, почти всю жизнь, одним человеком и (не преувеличивая) применим это сравнение ко всей России!

Не могу спокойно говорить об этом оттого, может быть и пишу Вам, дорогой Василий Васильевич, так бессвязно, но Вам необходимо «закричать», Вас все услышат и Бог поможет, чтобы «крики» Ваши воздействовали неотразимо на кого следует.

Обычный порядок моей деятельности временно нарушен благодаря необычным событиям и переживаниям. Сейчас пока я в деревне. Скоро приеду в Питер. Очень хочу с Вами повидаться - соскучился. Мама и я шлём Всем Вашим самые сердечные пожелания.

Душой с Вами и Ваш В. Андреев.

М. В. Рыбинская ж.д. Ст. Яремково, сельцо Марьино.

(НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4216. Л. 12-13).

Телеграмма от 18 марта 1914 г.

В.В. Андреев - В.В. Розанову.

Один в поле не воин. В борьбе Вы были моим благородным и могучим союзником содействия победе. Сердце моё преисполнено горячей благодарности, любви и уважения к Вам.

Вася.¹⁵

(НИОР РГБ. ф. 249, М. 4216, ед. хр. 1. Л. 14).

Мне осталось только откомментировать некоторые документы, которые имеют отношение к теме.

В НИОР РГБ хранится папка, в которой содержатся «Письма художников к В.В. Розанову». Каждая пачка писем предваряется комментариями самого В.В. Розанова. Часть из них я уже публиковал (см.: «Народник», 2005, №2 (50), с. 8), теперь же необходимо комментировать другие. Итак, В.В. Розанов пишет: «К великому сожалению и для меня страданию - он (В.В. Андреев - Б.Т.) еврей. И именно - через мать еврейку. Ей за 80 лет, но она до сих пор крепка, острит и шутит. - и «слегка танцует» (ей-ей; конечно и для шикю). Она вся железная, - и её ум, остроумие и железная настойчивость перешла к нему.

- Ну, пойдёмте, я Вам покажу Васенькину семью, - и она ввела нас (семья) в большую комнату сзади, где бывают «спевки» что ли: к каждому стулу, его спинке, лентой привязана балалайка, Тут они «сыгрываются», репетиции и прочее.

- Вот Васенькины дети, - повторила схимница о схимнике.

За 1-ым мужем она была за «Андреевым», очевидно русским, - но, кажется, он был пьяница или что, и об отце В.В. Андреева при нём и при ней никогда не говорят. 2-ой муж был «Сеславин» или как, - знаменитый моряк. И вот она и В.В. Андреев полны воспоминаний о нём, культа к нему. «Он - Бог», «он - отец», «он - святой», кажется так и было, то есть влюблённый в жену муж был необыкновенно заботлив о пасынке. И, кажется, он его и вывел именно «в балалайку», или - способствовал, не мешал таланту» (Ломоносов А.В. В.В. Розанов о ближних и дальних (пометы к письмам корреспондентов) // Литературоведческий журнал, М., 2000, №13/14, ч. 1, с. 115-116).

К моему изумлению А.В. Ломоносов никак не комментирует все эти измышления В.В. Розанова, более того, он повторяет версию о еврейском происхождении В.В. Андреева в «Розановской энциклопедии» (М., 2008, с. 67). Другими словами, он соглашается со всем этим.

Начну с первого - национальности В. В. Андреева, и поскольку речь пойдёт о матери В.В. Андреева, Софье Михайловне, урождённой Веселаго (24 июня 1835 - 1922), то вот её родословная. «Веселаго (также Весёлые и Веселовы) - дворянский род, владевший с конца 16 века поместьями в Бежецкой пятине Новгорода. Потомство Никифора Веселаго (1590) было записано в VI части родовой книге Новгородской и Тверской губерний. Потомству Григория Борисовича Веселаго, владевшего поместьями в Бежецком уезде в 1635 - 50 гг., и записанному в VI части родовой книги Тверской губернии, Герольдией было отказано в древнем дворянстве. Писались эти Веселаго - Веселовыми» (Савелов Л.М. Родословные записи. М., 1908, вып. 2, с. 56-57).

Среди родственников мужчин преобладают военные, а, как известно, евреи в царской России в армии не служили. Среди военных преобладают моряки, есть даже выдающиеся люди, например, Веселаго Феодосий Фёдорович (27. 3. 1817 - 17. 10. 1895 г.), русский историк военно-морского флота, генерал, почётный член Российской академии наук, а также Морской академии и Морского технического комитета, о котором есть монографический очерк Мазунина Н. (Выдающийся историограф русского флота. // «Военно-исторический журнал», 1967, №3). Кстати, его отец - Веселаго Фёдор Власович - капитан, командир роты 1го флотского батальона. (см. об этом в: Бодрова Л.Н. Из переписки А.А. Баратынского // Встречи с прошлым. Сборник материалов РГАЛИ. Вып. 10, М., 2004, с. 79).

Был ещё Веселаго Иосиф Иванович (1796-1859), член совета Государственного Контроля, вице-адмирал, дядя Софьи Михайловны (брат отца), его жена Мария

---

¹⁵ Василий Васильевич Андреев - балалайка. Я в письме его назвал Вася (примечание В.В. Розанова - Б.Т.)

Александровна. Мать же Софьи Михайловны звали Верой Андреевной, девичья фамилия неизвестна.

Отец Софьи Михайловны, Михаил Иванович - капитан, дед её Иван Семёнович - капитан-лейтенант, другой брат деда Василий Семёнович - мичман. Прадед Семён Иванович - прапорщик.¹⁶

Согласитесь, что ни по именам, ни по профессии еврейский след не прослеживается, привиделось всё это В.В. Розанову. Правда в своей семье он нашёл поддержку этой версии. «В воскресенье столовая полна гостями. Обычные гости: Василий Васильевич Андреев (...). Под конец вечера он часто рассказывает еврейские анекдоты. Аля¹⁷ говорит, что в его крови должна непременно течь еврейская кровь, так как немыслимо с такой поразительной яркостью передавать мимику, интонации, жесты» (Н.В. Розанова¹⁸. Из моих воспоминаний. // Литературоведческий журнал, 2000, №13/14, ч. 2, с. 168).

Что ж, остаётся только напомнить мнение А.В. Амфитеатрова: «Я говорю об известном творце Великорусского оркестра В.В. Андрееве и об известнейшем из известных Ф.И. Шаляпине. Лучших знатоков и мастеров бытового юмора я не слыхивал...» (т. 10, кн. 2, Мемуары, с. 154). А бытовой юмор как раз и заключается в анекдотах. Так что за всем этим я усматриваю «силу искусства» и ничего больше.

Гораздо сложнее комментировать следующий «сюжет». Я решил, что будет гораздо проще, если я просто процитирую сведущего в этих вопросах исследователя, а читатель сам поймёт, что к чему.

(...) 3 октября 1855 года Василий Андреевич (Андреев - Б.Т.) торжественно венчался с девицей Софьей, двадцатилетней красавицей дворянкой, дочерью отставного капитана Михаила Ивановича Веселаго. Невеста никакого имени - родового или благоприобретённого, как тогда говорили, - не имела. Но Василий Андреевич приданого и не спрашивал. Ему нужна была образованная жена, и он не собирался скопидомничать. Не зря же он на главной улице, называемой Большой, построил добротный красивый особняк.

Богатство Андреева непрерывно растёт. Он получает звание потомственного гражданина, назначается попечителем городской больницы, участвует в благотворительных акциях. Он имеет каменную лавку в мучном ряду, две мельницы, маслозавод, паточный и кирпичный заводики, но главным делом для него становится торговля лесом. Он скупает лесные участки, строит лесные дачи и сдаёт их в аренду. Покупает участки и с молодым лесом, который когда-то ещё вырастет, беря на себя заботы по уходу и лесопосадками. В Бежецком уезде у деревни Бортниково у него была своего рода база - свыше четырёх тысяч десятин различного леса. Словом, понемногу выросло крупное доходное лесное хозяйство.

Домашняя жизнь шла спокойно и размеренно, правда, с приходом молодой хозяйки кое-что по-другому. Софья Михайловна внесла в купеческий быт дворянские черты. К великолепному выезду прибавилась лошадь для верховой езды. В гостиной поставили рояль. Изредка устраивались вечера с пением романсов и танцами. Случалось принимать важных гостей из Твери или Москвы по всем правилам хорошего тона. Но, конечно, не забывали отмечать и народные праздники с обильной едой, песнями и русской пляской.

И всё было бы хорошо, если бы появился ребёнок. Но он не появлялся, и это всё сильнее отравляло жизнь. Лишь после пятилетних мучительных ожиданий 3/15 января 1861 года громким криком возвестил о себе страстно желаемый наследник. Его назвали по отцу Василием.

Шумно и весело жили Андреевы после рождения сына. Губернские чиновники при наездах в Бежецк с удовольствием заглядывали на огонёк в гостеприимный дом Василия Андреевича, где собиралось интересное общество, где пели и танцевали, где сама

¹⁶ Последние сведения я взял из «Генеалогии господ дворян, внесённых в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г.» составленной М. Чернявским.

¹⁷ Аля это Александра Михайловна Бутягина (1883-1920) - падчерица В.В. Розанова.

¹⁸ Надежда Васильевна Розанова (1900-1956), дочь В.В. Розанова.

очаровательная хозяйка могла спеть приятным голосом романс или сыграть что-нибудь на рояле.

И быть бы Василию Андреевичу городским головой, однако жизнь, как ей следовало бы сложиться, так и не сложилась. Через полтора года после рождения сына Василий Андреевич скоропостижно, не боля, скончался. «Помре от апоплексии, - написано в метрической книге, - 14 августа 1862 года, 16 августа погребён».

(...) 10 января 1863 года в петербургской церкви Святого благоверного великого князя Александра Невского при институте корпуса инженеров путей сообщения были повенчаны инженер-поручик Нил Николаевич Сеславин и Софья Михайловна. Так у маленького Васи Андреева появился отчим, а в доме новый хозяин. Снова стали собираться гости, чередой следовали всякие праздники и вечера. А летом Софья Михайловна с мужем отправились в небольшое путешествие за границу. Новая семейная жизнь вступила в свои полные права.

(...) Как и в любом уездном центре, в Бежецке были свои знаменитости, свои сильные характеры, оригиналы, таланты и поклонники. Одним из главных авторитетов был купец Андреев. Сколько пересудов и споров вызвал его отказ от винной торговли! От денег отказывался человек. Ради чего? По всей вероятности, отказ был религиозно-нравственный. Купцу нужно увеличивать оборот, а увеличивать продажу водки значило ухудшать жизнь народа. Поэтому в 1856 году винный завод с паровым двигателем в Бежецке построил купец Коровкин, а не Андреев, у которого были для этого все возможности.

Еще большей популярностью пользовалась его жена Софья Михайловна, в девичестве Веселаго (1835-1922). Несмотря на положение барыни в богатом доме, она была проста в обращении. Сказывалось воспитание в небогатой офицерской провинциальной среде, где аристократизм просто отсутствовал. Она с удовольствием вникала во всякие мелочи домашнего хозяйства. Любила принимать гостей и потчевать их вкусными кушаньями. Правда, был у неё, по мнению некоторых, большой недостаток: она воздерживалась от любого вина и не уважала тех, кто «злоупотреблял». Предпочитала вегетарианскую пищу.

Как настоящая офицерская дочь, она была лихой наездницей, верхом ездила, как гусар. Совершенно не боялась простуды, первой открывала купальный сезон и последней заканчивала. Обладая смелым, решительным характером, она была к тому же остра на язычок. Не боялась поставить на место тех, кто мог позволить себе непатриотические высказывания или показать неуважение к православной религии. Это создало ей репутацию «непрогрессивной особы» и сузило круг знакомств, вернее, доброжелательных знакомств.

Софья Михайловна имела довольно высокий культурный уровень. Она получила традиционное для мелкопоместного дворянства домашнее образование по программе женских гимназий с добавлением отдельных бесед по желанию преподавателей и родителей. Несколько семей объединялись и создавали маленькие классы у кого-нибудь в усадьбе, преподавателями были гувернантки и гувернёры с дипломами, отставные учителя, жившие поблизости. Девочки занимались с большой охотой, особенно изящной словесностью, историей, музыкой, танцами, пением, рисованием. Были и такие предметы, как этикет, моды, рукоделие, домашнее хозяйство. Время от времени устраивались концерты и драматические спектакли, в которых участвовали и дети, и взрослые. Особенное внимание уделялось языкам - все воспитанницы свободно болтали по-французски и по-немецки.

(...) Отца Вася не помнил. Но многое воспринял через рассказы о нём. Старался поступать, как отец. Василий Андреевич очень аккуратно вел дела и всякие расчёты. Любил оригинальных людей. Стремился быть первым, лучшим. Готов был всегда переплатить, но иметь всё по первому разряду. Таков был и сын. Разумеется, с одобрения Софьи Михайловны.

Что же касается отчима, то он на Васю не очень-то обращал внимание. Вечно занятый на службе, постоянно в разъездах, домой заявлялся частенько не один, а с каким-нибудь гостем, иногда даже из Петербурга. Ему действительно было некогда.

Нил Николаевич Сеславин (1834-1875) принадлежал к славному дворянскому роду, но, к сожалению, обедневшему. Среди его родственников был герой Отечественной войны 1812 года генерал А.Н. Сеславин, организатор партизанской борьбы против Наполеона. (...)

Поступил кадетом в институт корпуса инженеров путей сообщения. Военный инженер-железнодорожник - специальность редкая, все выпускники знали друг друга и, главное, оказывали друг другу поддержку, особенно беднякам вроде Нила Николаевича. Благодаря такой солидарности у него был обширный круг знакомств и ему удалось получить место в столичном округе.

(...) Однако вскоре снова произошло непоправимое - 16 декабря 1875 года Нил Николаевич скончался после тяжёлой болезни. Софья Михайловна снова стала вдовой.

(Баранов Ю. Василий Андреев. Тверь, 2001, с. 14-17, 20).

Из всего изложенного совершенно ясно, что помимо прочего нафантазированного В.В. Розановым, отец В.В. Андреева не был (и не мог быть) пьяницей, а также то, что отчим никак не мог «вывести в балалайку» Васю, которому в момент кончины его исполнилось 14 лет.

Обобщая весь предыдущий материал, посвящённый «фантазиям» В.В. Розанова, скажу, что это свойство его восприятия давно замечено. Вот что по этому поводу пишет А.Н. Николукин: «Его (Розанова - Б.Т.) мало интересовали исторические реалии (поэтому при переизданиях он отказывался исправлять фактические неточности, на которые ему указывали). Прежде всего писателя заботила виртуальная литературная мифологема, творимая им по своим собственным внутренним законам. Современники же воспринимали его мифологемы как прямое видение действительности» (Николукин А.Н. К вопросу о мифологеме национального в творчестве В.В. Розанова // Розанов В.В. Сахарна. Собрание. соч. под общей редакцией А.Н. Николукина, т. 9, М., 2001, с. 419).

Теперь мне придётся немного поработать в весьма редком жанре - комментарии на комментарии. Речь пойдёт о комментариях, сочинённых А.В. Ломоносовым к двум персонам - М.М. Иванову и Сеслаину, по выражению В.В. Розанова, «знаменитому моряку» (Ломоносов А.В. В.В. Розанов о ближних и дальних. Литературоведческий журнал, 2000, №13/14, ч. 1, с. 115-116).

Буду краток. Сначала напишу комментарий, который дан А.В. Ломоносовым, а затем то, что надо было написать. Итак, «Сеславин Дмитрий Николаевич (1863-1903) - отчим В.В. Андреева, сын морского офицера, героя Севастопольской обороны Н.Н. Сеславина» (Литературоведческий журнал, М., 2000, №13/14, ч. 1, с. 140). А надо было написать: «Сеславин Нил Николаевич (1834.5. 06 - 1875. 16. 12), окончил Институт инженеров Путей Сообщения Императора Александра I 28 июня (10 июля) 1857 года в чине подпоручика. С 1870 г. штабс-капитан. Среди его родственников Сеславин Александр Никитич (1780- апрель 1858), герой Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант (1814)». Чувствуете разницу?

Отсюда вывод: не стоило ни в коем случае слепо доверять автору (в данном случае - В.В. Розанову), ловко уведшему комментатора к «моряку Сеслаину», в результате А.В. Ломоносов не заметил, что «назначенный» им отчим на два года моложе пасынка (напоминаю, что В.В. Андреев родился в 1861 г.).

Теперь о другом случае. «М.М. Иванов - Михаил Михайлович Иванов (псевдоним Ипполитов-Иванов; 1859-1935), русский композитор и дирижёр, в 1905-1922 директор Московской консерватории». Всё правильно, только с точностью до наоборот. Из текста В.В. Розанова совершенно явствует, что он имеет в виду именно М.М. Иванова. А.В. Ломоносов должен был в данном случае написать следующее: Иванов Михаил Михайлович, родился 11 (23) сентября 1849 года в Москве, умер 20 октября 1927 года в Риме. Русский музыкальный критик, композитор. Учился в Москве у А.И. Дюбюка (фортепиано) и у П.И. Чайковского (теория композиции). В 1870-1875 годах занимался в Италии по композиции у Дж. Сгамбати. С 1875 года жил в Петербурге. С 1860 по 1917 год М.М. Иванов был заведующим музыкальным отделом газеты «Новое время» и вёл еженедельные обзоры под названием «Музыкальные наброски» (Как странно, что специалист по Розанову этого не знал). В 1918 году эмигрировал в Италию (Кто писал о музыке. т. 1, М., 1971, с. 334).

Мне кажется, что почти любой музыковед, учащийся в ВУЗе, знает, что Михайлов Михайловичей Ивановых было двое, и тогда тот, что моложе на 10 лет, естественно, должен

был что-то придумать, чтоб чем-то отличаться от своего старшего полного тёзки. Именно поэтому он «в 1881 году присоединяет перед своей фамилией Иванов фамилию мужа своей сестры С.И. Ипполитова, который помог ему стать музыкантом» (С. Богуславский. М.М. Ипполитов-Иванов. М., 1936, с. 7).

Вот такая грустная история с комментариями получилась.

Эта грусть созвучна тому настроению, с которым я покидаю тему «В.В. Розанов и В.В. Андреев», начатую 11 лет назад, ввиду её исчерпанности. Хотя, кто знает, вполне возможно, что где-то в архивах затерялись письма обоих адресатов. Но это уже без меня, надо же что-то оставить для будущих исследователей.

Б. Тарасов